

75 лет работе В. И. Ленина

«Лев Толстой, как зеркало русской революции»

24 (11) сентября 1908 года в газете «Пролетарий» была напечатана статья В. И. Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Эта работа, как и другие ленинские статьи о Толстом, являвшаяся важнейшим документом марксистской эстетической мысли, оказала решающее влияние на изучение наследия великого русского художника, на понимание самой природы толстовского реализма.

В. И. Лениным была дана высочайшая оценка художественному гению классика русской литературы. «...Л. Толстой, — писал В. И. Ленин, — сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, прижатых крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества». Признавая огромный художественный талант Толстого, его «замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши», его умение срыгивать все и всяческие маски, его беспощадный критический дар, В. И. Ленин был в то же время непримирим к так на-

зываемой «толстовщиной», к слабым сторонам мировоззрения писателя. Он глубоко вскрыл корни этих противоречий, убедительнейшим образом доказав, что они «...действительно зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции».

Трудно переоценить значение работ В. И. Ленина, поставленных Льву Толстому, и не только для изучения наследия великого писателя. Уроки ленинской критики имеют непреходящую ценность и общетеоретического характера, дают нам образец подлинно партийного, исторически конкретного подхода к анализу сложнейших явлений художественной жизни.

Творчество Толстого неисчерпаемо. К нему не перестают обращаться все новые и новые поколения читателей, литературоведы, философы, эстетика, художники. И каждый раз важнейшим ключом к пониманию гения русской литературы служат замечательные статьи В. И. Ленина.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей заметки кинокритика Сергея ГЕРАСИМОВА, работающего в настоящее время над фильмом о Льве Толстом.

всегда был убежден, что самое интересное — человек реальный, а не загримированный. Здесь, в Ясной Поляне, реальных знаков памяти о Толстом очень много. Попробуйте пройти по яснойполянскому дому с одной из тех женщин, которые беззастенчиво ухаживают за ним, и вы поразитесь тому, сколько она знает. Воспоминания передаются в их семьях из поколения в поколение. В окрестных деревнях вам расскажут, что вот тут он, Толстой, был, сюда заходил, сидел на этой скамейке — мы ее бережем и детям завещаем.

У меня было очень много вариантов финала картины. Финал, на котором останавливались, описывать сейчас не буду, но продиктован он был яснойполянскими жизнью Толстого сохраняется в людях, в тех самых людях, которые память о нем никогда не утратят.

Когда рассказываешь зрителям о будущем фильме, обычно первый вопрос: кто играет? Скажу сначала об окружении Толстого: Макавицкий играет чешский актер Навратил Боржевой (фильм создается совместно с нашими чехословацкими друзьями). Чертова — Алексей Петренко, Гольденвейзер — Николай Еременко. Что же касается Льва Николаевича и Софьи Андреевны? Еще только замыслил фильм, мы решили с Тamarой Федоровной Макаровой, в которой рядом прожили жизнь уже более длинную, чем Толстой с Софьей Андреевной, что играть будем вместе.

Трудно ли нам играть этот сложный семейный дуэт? С моей точки зрения,

Я РАБОТАЮ над фильмом «Лев Толстой».

Сергей ГЕРАСИМОВ, Герой Социалистического Труда

Идея поставить картину о Толстом возникала у меня неоднократно. Не по произведениям Толстого — его литературное наследие, в особенности художественные произведения, использовано очень широко, — а о нем самом. Ибо, по моему глубокому убеждению, в любом сочинении — самое интересное — автор. Тем более если это такой человек, как Лев Толстой — с его удивительным характером, феноменальной биографией, включающей в себя множество разнообразных, как бы противоречащих друг другу порывов, начал многосложной его жизни.

Мне казалось по меньшей мере странным, что среди довольно большого списка фильмов, сделанных в масштабах серии «Жизнь замечательных людей», нет даже попытки сделать фильм о Толстом. Руки ли не доходили или же попросту боялись традиционного представления: да, Толстой — безусловно великий писатель, гениальный художник, но крайне противоречивый философ, изрядно напугавший и в сфере религиозной, и в общественно-политической...

Но читаем мы опять и опять в статье Владимира Ильича Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции», семидесятилетие которой сейчас отмечается. Какая широкая, какая емкая характеристика этого великана! «...Противоречия во взглядах и учениях Толстого не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века».

Статья эта появилась в период разгула черносотенной реакции, с могучей силой разоблачала она ханжество официальных российских кругов, временно сменявших давнюю оглушительную травлю писателя на лицемерные юбилейные похвалы. Отнюдь не скрывая темные стороны толстовского мировоззрения, Ленин бережно выделяет все, что является действительно великим в творчестве Льва Николаевича, — непримиримый протест против лжи и фальши современного ему общества. И делает вывод: все многообразие духовного мира Толстого, его творчество, взятое в совокупность, несомненно выражают суть революционного процесса, который в то время нарастал в России.

Вот образец глубокого социального анализа сущности художника. Точный критерий, который дает возможность соизмерить живую личность с эпохой. Им повеяло себя постоянно, работая над фильмом о Толстом.

Думается, что возможности серии «Жизнь замечательных людей» (напомню, что в нашей литературе она наряду с серией «История молодого человека XIX века» была начата Горьким) далеко еще не исчерпаны не только в количественном значении, но и в качественном. Потому что каждый замечательный человек — это прежде всего Человек, а не собрание сочинений, не формула, не вместилище систем знаний. Это и «сосуд» поразительных, многосложных связей, и это же — явление совершенно обычного, бытового порядка, где имеют свое место любовь, семья, рождение и воспитание детей, сложные отношения мужчины и женщины — все это и есть жизнь замечательного человека. Это просто. Но как, по-видимому, трудно добраться до такой простой мысли! Как легко живое дерево жизни с помощью всякого рода стереотипов превращается в телеграфный столб, где все уже совершенно ясно, но никому не интересно! Потому что человека нет, есть результат его деятельности. Все это достаточно прочтешь в энциклопедии, где в краткой форме изложено, какую пользу принес тот или иной великий. Зачем же искусство?

А затем, чтобы оживить эту личность, приблизить ее к миллионам и миллионам людей, для которых энциклопедическая дефиниция есть, по сути говоря, совершенно мертвая фраза. А жизнь человека на сцене, на экране, в литературном произведении для зрителя, читателя есть жизнь. Такая же, как своя, когда можно слышать, делать свои выводы, видеть в великом человеке и собственные задатки великого — это же и есть самое главное! Ради этого главного я и решил делать картину о Толстом, картину о великом Человеке. Десять раз готов подчеркнуть, — ЧЕЛОВЕКУ — Толстому.

Задача архитрудная, может, не удастся сделать и десятую часть того, что задумал, ну и что же из этого? Ясна цель, понятно — зачем это делается. С какой увлеченностью мне пишут сейчас письма касательно картины люди из самых разных районов нашей страны! Пишут: «А вы знаете ли такой факт?..», «А вам попадалась редкая книга, вот у меня есть старое издание, не прислать ли?.. Я все равно пошло, может быть, пригодится...» Огромный поток писем.

То же самое взволновало меня, когда я приехал в Ясную Поляну. Какой поток людей! Достаточно посмотреть, что творится на пятачке, отведенном для стоянки автомобилей, машину ставить негде, — даже из сибирских краев едут. Едут на поклон! И с каждым годом этот поток нарастает, нарастает потребность поговорить с великим умом с великой душой. Всех поражает, в какой простоте он

... ЧТО ПРИНАДЛЕЖИТ БУДУЩЕМУ

жил. Наивные души удивляются отсутствию ковров, которыми ныне измеряется порой благополучие человеческое. Толстой помогает очиститься от равнодушия, от нравственного обжорства, от отсутствия духовного аппетита, потери четких представлений о добре и зле.

Где-то теплится внутри человека та самая простая мысль, что он все же несовершенен. Иной раз разговаривая с какими-нибудь двадцатилетним. Поразило его, посеять сомнение в себе самом — дело непростое: сам он убежден, что очень хорош, прямо безупречно хорош, а кругом все нигде не годится. Мы этому часто сами способствуем, поменьше бы трескотни, как говорил Ленин, вокруг молодых и побольше воспитательного дела. А дело это заключается в том, что нужно помочь человеку критически взглянуть на себя, ибо высшим пределом духовного богатства является самоирония. К тому же призывал и Толстой.

Его самопритязательность безгранична. Читайте «Так что же нам делать?» — всю эту историю с московской перепиской, которую мы широко использовали в сценарии, там такие разговоры с самим собой — кто я и кто они — люди труда, которые дают мне жизнь, которые помогают мне жить, без которых я ничто...

Возможно, зритель, привыкший к погоням и стрельбе на экране, убедившись, что в этой картине их не будет, поднимется и пойдет к выходу. Но я убежден, что своего зрителя мы найдем. Из тех людей, что потоком идут в Ясную Поляну, идут в Хамовнический музей и там находят пищу для души и ума. Ибо самое большое счастье — прикоснуться к человеческому гению и понять его. Хотя бы сосуществовать с ним, если уж не погружаться в него полностью. Это большое счастье. Толстой щедро дарит его людям.

В ОТ НА ЭТОМ пути постепенно формировался и выстраивался сценарий будущего фильма в двух частях. Пришла идея бессонницы для первой части картины, когда во время бессонных ночей возвращаются к Толстому глубоко личные воспоминания о главных, переломных моментах его удивительной жизни. Уход, а потом смерть Толстого — вторая часть картины, вписывающая в себя всю трагедию и этой семьи, и этого времени, переломного уже для всей России, и то, что завещала эта смерть человечеству.

В течение трех лет, пока я работал над сценарием, обстановка в мире накалилась до нынешних грозных пределов, когда перспектива необратимых потрясений, грозящих уничтожением человеческой цивилизации, перешла из области призрачных фантастов на газетный лист, стала грозной реальностью дней. Поэтому

с каждым годом росло понимание, насколько велика и нужна сегодня избранная нами тема. Достаточно вспомнить, что Толстой написал «Войну и мир». Он дал себе право так обозначить все, что тревожило его в масштабах времени создания романа. Он — человек, волевавший в Севастополе, уже в молодые годы видел смерть глаза в глаза, видел, как умирает русский мужик, и это дало ему огромную силу невести к войне. Мир — то есть нормальная жизнь человека, и прежде всего человеческого духа, — представлял для него единственно реальную осмысленную форму существования людей на земле: мир — его программа, его идеал.

Такова же и наша социалистическая точка зрения на эту гигантскую проблему. Мир — и наш идеал. Всеобщее разоружение — вот позиция Советского правительства, советского народа.

Здесь нам, сегодняшним, помогает Толстой. Можно, конечно, и тут, перевернув все с ног на голову, сказать, что он со своей идеологической концепцией был далек от дела революции. Рассуждения, которые снимаются ленинским определением Толстого как зеркала русской революции. Зеркало русской революции! И это не какая-то фраза ради фразы, а, как всегда у Ленина, здесь сфокусирована суть такого явления, как феномен Толстого. В зеркало, отражающее столь огромное пространство мира, нам, живущим сегодня, стоит всем пристальнее всмотреться. Перечитайте — а кто не читал, обязательно прочитайте — его публицистические произведения последних лет жизни: как он обращался к царю и его приспешникам — не уговоры, а жесточайшее обличение, во весь голос, всему миру — кто бы на это решился?! С каким убийственным сарказмом он высмеивал церковников, с какой нечеловеческой болью восстал против телесных наказаний, как он выступал в своих статьях против любой формы убийства человека человеком. Его голос будоражил совесть всего мира, и когда он умер, вся планета в скорби обернулась к России.

Толстой верил в то, что мир обязательно должен быть и будет гармоничным и счастливым, но только тогда, когда человек изживет в себе эгоизм и безразличие к судьбам других людей. Сегодня это тоже тема тем. Мы, живущие в конце двадцатого века, считаем себя многонашими и многоумными. Но всегда ли умеем видеть и слышать вокруг себя, сострадать, жить бедами других? Да нет, не перевелись еще те, кому в высшей степени наплевать, что где-то губится его собратьями природа, что скудеет земля, заражаются воздух и вода, что от голода все еще умирают миллионы людей... Теория всеобщего фатализма удобна для современного обывателя и тем, что не только распространяется на явления глобального порядка, но и помогает ему оправдать эгоизм и бессовестность в разрешении житейских проблем каждого дня.

На июньском Пленуме (1983 г.) ЦК нашей партии вопрос личной ответственности каждого перед обществом был поставлен со всей ясностью и определенностью. Мы давно ждали этого разговора. Думал и я обо всех этих проблемах, стоящих перед нами, коммунистами, когда начинал картину, сначала так и хотел ее назвать — «Совесть». И стремился к тому, чтобы высокой мерой ответственности проникся каждый член нашей кинокорпуса.

О БЛИК будущего фильма... Если обозначать картину с точки зрения жанра не только литературного, но и кинематографического, — это хроника. Хроника была всегда мне ближе всего: я

трудно изображать только пустоту и глупость, трудно играть убогие выдумки. А наше дело — жить. Жить, совершенно забывая, что ты перед аппаратом. И тут уж оставить всяческие заботы, как выгоды, не подать своей профилей да как бы вдруг не оказаться в зрительному залу на лучшей части своей натуры: все это ерунда, низводящая кинематограф до копеечного зрелища.

Любая поза к Толстому никакого отношения иметь не может, да и к настоящему кинематографу, на мой взгляд, — тоже. А кинематограф, по моему глубочайшему убеждению, — величайшая сила века в формировании людей.

К сожалению, частенько первый вопрос, который задается у нас режиссеру при обсуждении в профессиональном кругу, звучит так: «Но что здесь будет смотреть широкий, массовый зритель?» О зрителе при этом думают меньше всего. Главное — кино должно быть доходным жанром искусства.

Но что же все-таки подразумевается под этим понятием — «доходный жанр»? Может быть, это комедия? У нас есть очень хорошие современные кинокомедии, только создавались они как раз вопреки представлениям о кинематографе как о доходном жанре. А зритель их полюбил. Так что не приписываем ли мы сами ему ту степень тугоумия, которой он вовсе не обязан обладать? Прибыльным сейчас стали считать жанр мелодрамы, но подразумевают под мелодрамой нечто, никакого отношения к этому жанру не имеющее, — всякие светлые, сладенькие бытовые историйки. Какая же это мелодрама? Мелодрама — искусство острое, искусство больших потрясений. Остается детектив. Дело прибыльное, но какая польза от этой прибыли?

Надо иметь мужество называть вещи своими именами, чему, кстати, тоже стоило бы у Толстого поучиться. Неужели все еще не ясно, что этой своей идеологической и эстетической всеядностью мы проигрываем на главном направлении? Вдихнем, вопрошая, почему зритель беднеет буквально на наших глазах, почему отличные фильмы идут порой в полупустых кинотеатрах? Да потому, что мы все чаще и чаще предлагаем зрителю бедную пищу, приуменьшаем его жизнь только за счет всякого рода суррогатов, а это, естественно, не может не привести к духовной дистрофии. Только фильм — идеологическая полемика с подлым миром чистогана, только фильм, способный в живых мыслях, словах и поступках выразить весь размах борьбы за нового человека, утверждает советский кинематограф как искусство великое.

Мы любим вспоминать о том, как признали лучшим фильмом планеты картину Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин», какими щедрыми на замечательные советские киноленты были конец пятидесятых — начало шестидесятых годов. Почему? Прежде всего потому, что эти фильмы отличались не только страстностью, но и точностью идеологических и художественных позиций.

Да, Толстой не в привычном ныне ритме — быстрой, быстрой — он медленный... В нашей виковской мастерской студентов встречает девиз: «Во времена космических скоростей искусство должно быть неторопливым». Кто-то же должен остановиться, задуматься... Современному кинорежиссеру надо быть озабоченным не тем, как бы отвлечь зрителя от трудной жизни, а думать о том, как говорить с народом толково и интересно, помочь ему понять и масштаб времени, и свое место в нем. Собственную меру ответственности перед обществом, которую никак иначе не выразишь, кроме как в добросовестном труде и энергии мысли.

Чтобы дела наши ладились, надо бы не забывать старые добрые заповеди: по больше требовать от себя, прежде чем требовать от других. Поглядев на себя повнимательнее, заинтересоваться: а сам-то я отвечаю тем требованиям, которые предъявляю к людям, всегда ли до конца честен в своем отношении к обществу, к труду, который мне поручен? Не живу ли по принципу: потреблять побольше и получить, а отдавать поменьше?..

Это вопросы Толстого, обращенные к самому себе, и они впрямую обращены к нам, сегодняшним. Не об этом ли говорил на июньском Пленуме как о проблеме самой насущной?

Толстой страстно хотел сделать мир лучше. Ленин писал о нем: «...В его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему». Так давайте учиться у Толстого, давайте вслушиваться в него, ибо мы и есть его будущее.

В роли Льва Николаевича Толстого — Сергей Герасимов.